

A woman with dark hair, wearing a yellow patterned dress, is shown in profile, looking out a window. A small, colorful bird with a red head and yellow body is perched on a branch in front of the window. The scene is softly lit, suggesting a calm, contemplative moment.

Нина Пономарёва

ПТИЧКА НА ВЕТКЕ

Нина Пономарёва

ПТИЧКА НА ВЕТКЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73083688

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть «Птичка на ветке» о приключениях адвоката с истинным даром следователя.

Если вы не боитесь встретиться со свидетелями – мертвецами, любите детективные головоломки, неожиданные повороты сюжета, то эта повесть для Вас.

Главная героиня повести, Садовская Софья Борисовна (адвокат), не только профессиональна, умна и обаятельна, но ещё и смелая. Она опрашивает мёртвых свидетелей прямо на кладбище и выводит живых преступников на чистую воду, чтобы оправдать своего подзащитного. При этом она находит в себе не только новых, настоящих друзей, но и истинную любовь.

Повесть прекрасна для читателей всех возрастов, от школьников – до людей почтенного возраста.

Содержание

ПОВЕСТЬ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Нина Пономарёва

ПТИЧКА НА ВЕТКЕ

ПОВЕСТЬ

Птичка на ветке

Софья Борисовна ехала в очень богатый дом. Она не любила такие поездки, но что делать? Работа – есть работа. Не то, чтобы её смущало чужое большое богатство, какого она сама не имела и, скорее всего, не будет иметь никогда. Не любила – и всё тут. Зачем же объяснять необъяснимое? Не к душе – и всё тут. Наверное, упрямые, противоречивые, настырные и гордые казачки, деревенские бабки, жили в ней, в городской, образованной, деловой, успешной женщине. Жили себе, и ничего с этим поделаться было нельзя. Да и зачем с этим что-то делать, когда это – её тайна. Может быть, они и руководили ею в каком-то смысле. Их уже давно не было на Земле, несколько десятилетий, но, однако, ничто не мешает им жить в Софье, в её душе и сердце.

Она помнила, как старенькая бабушка, прабабушка, гладила её по голове и говорила:

– Когда будешь одна в поле, то обязательно пой. В степи ты будешь петь моим голосом: он полетит, полетит, полетит,

как птица, высоко – высоко, светло – светло, легко – легко, как воздух. А ты – знай пой – хоть тихо, хоть громко, как тебе понравится, только обязательно от всей своей души и от всего своего горячего сердца, во всю свою ширь!

Молодая бабушка останавливала старенькую:

– Зачем ты это говоришь? Не пугай ребёнка! Она же маленькая! Что она понимает из того, что ты сейчас ей говоришь?

– Она всё понимает, не меньше, допустим, чем мы с тобой, взрослые, потому, что каждый ребёнок – это есть целая Вселенная, это огромное будущее, которого, как ты сама понимаешь, у нас с тобой, например, почти что – нет. А у неё – есть. Более того, хорошее, счастливое будущее. Она – казачка в душе, от рождения. А это – навсегда. Она, – как гордая птица, которая любит небо, высоту, свет, чистоту, правду и разлюбить всё это – она не сможет! Никогда, ни при каких обстоятельствах!

– Я нисколько не боюсь, – сказала тогда маленькая Софья, – я буду петь твоим голосом красиво и ярко, от всего сердца и от всей души, когда тебя не будет на свете, для того, чтобы ты была. Ты всегда вот здесь у меня будешь, всегда – всегда, – маленькая Сонечка показала ручкой на область сердца, – потому что моё сердце тебя любит.

– Ну вот, видишь? А ты боялась! – засмеялась старенькая бабушка. – Дай-ка я тебя поцелую, обниму, моя ты птичка – синичка, моя дорогая, крохотная моя голубоглазка! Я верю

в тебя! Ах, как же я верю в тебя! Сразу видно, наша порода, казачья, твёрдая, как скала.

– Бабули, ваша птичка прибыла на место, – доложились Софья Борисовна. – И чего это я всё утро думаю о вас? Может быть, потому, что вы там, на небе, думаете обо мне?

В элитном посёлке всё было элитное: живые зелёные изгороди, литые скамейки снаружи для отдыха, выполненные дизайнерами уличные фонари, узорчатая, кованая, затейливая изгородь много выше человеческого роста. Вот он, звонок, вернее его мудрёная кнопка.

– Вот, сейчас позвоню, интересно, кто выйдет? Скорее всего, – привратник в вишнёвом пиджаке, без единой мысли в глазах. Кстати, – его право: не хочет и не задумывается ни о чём глубоко. Вот, во что хочет – в то и одевается (или во что оденут хозяева).

Сразу же после того, как Софья нажала на заветную кнопку оповещения, массивная, фирменная, дорогушая дверь открылась, и вышел мужчина средних лет, приятной наружности, одетый в тёмно-синюю униформу, а, может быть, просто тёмно-синий, приличный костюм.

Софью поразил умный, уважительный, цепкий, внимательный, пронизывающий взгляд этого седовласого красавца. Казалось, что он хотел и мог прочесть мысли гостыи.

– Надо же, смотрит, как опытный следователь, – подумала Сонечка, – по всему видно – умный человек. И чего это он тут в привратниках, в прислугах делает?

– Софья Борисовна? – спросил привратник, подняв брови. Это, очевидно, обозначало:

– Ваше удостоверение! Предъявите его, наконец, коль пришли! Сколько можно ждать? Явились – так соответствуйте!

Удостоверение было заранее подготовлено и предоставлено молниеносно.

Привратник удовлетворённо улыбнулся. Видно было, что ему оперативность гостьи очень понравилась.

– То-то же, – говорил его взгляд.

– Проходите, – слегка, уважительно, но с достоинством поклонился и отошёл в сторону, пропуская Софью, строгий страж.

– Да, не просто так! – подумала Софья Борисовна.

Пока шли к дому, Сонечка увидела всё то богатство, которое охранял высокий забор: сад вокруг дома был тщательно ухожен, безупречно – прекрасен. Под окнами дома и вдоль всех дорожек благоухали и алели гордые и надменные розы красных оттенков, белели и желтели нескромные, крупные лилии огромными букетами. Они ощущали себя королевами и, надо сказать, не случайно, более того, – по праву.

Садовник в униформе, нарезав заранее цветы, подал их молча привратнику, только бегло взглянув на гостью.

Взгляд его был тревожным, внимательным и ещё каким-то больным. Так смотрят собаки, которых только что ни за что ударили или скоро ударят.

– Тоже странный какой-то, – подумала Софья. – Вообще, странно: обычно садовники всё-таки в годах. А этот – молодой, совсем парнишка, но ему отчего-то, наверняка, очень сильно больно.

Просторное крылечко больше напоминало отдельное архитектурное сооружение, чем входную группу. София шла по дорожному белому мрамору огромного крыльца и думала:

– Здесь, при желании, можно целое летнее кафе разместить на сто, а то и более посадочных мест. Рука скользила по мраморным, гладким, безупречно отшлифованным поручням.

Здесь, похоже, всё было безупречным.

– Что красиво сделано, то красиво, – думала Софья. – Мастера всё-таки работали здесь настоящие, молодцы, мастеровитые.

– Спасибо Вам, что вы откликнулись на наше горе! – встретила хозяйка гостью в дверях, – проходите, проходите. Это я договаривалась с Вами о Вашем визите сегодня по телефону. Я – Горобец Алёна Николаевна. Мой муж, Горобец Степан Алексеевич, арестован по подозрению в убийстве этой несчастной девочки, подруги нашей дочери.

Алёна Николаевна была похожа на новую, красивую куклу, которой никто никогда не играл. Трудно было сказать, что в ней осталось естественного, натурального. Скорее всего, натурального ничего и не осталось. Зато остальное всё было – красиво и совершенно, без единого изъяна.

Софья Борисовна взяла паспорт хозяйки, посмотрела на год рождения.

– Да! Далеко шагнула наша пластическая хирургия, – подумала Софья. – Зачем только это надо? Хотя, тебе не надо – зато другим надо, – одёрнула себя Софья Борисовна. – И тебе, вообще-то, давно пора подстричься, например, сделать модный маникюр, а лучше ещё и прическу, уделить себе хоть какое-то внимание. Ну, вот, опять началось самобичевание, – одёрнула себя снова Софья. – Так и до шопинга в рабочее время не долго додуматься!

В холле, где встречали гостью, адвоката с огромным опытом, известную в городе (Софью Борисовну Садовскую все судьи городские, например, считали зубной болью. А некоторые – даже самым ужасным кошмаром в мире), так вот, в холле тоже всё было безупречно: мраморный светло-розовый пол, мебель с позолотой, витражи на окнах, светильники из хрусталя, росписи на потолке.

– Потолок расписывали маслом талантливые живописцы, – подумала Софья. Вон как греческие Боги приветливо и радостно смотрят с высоты! И чего бы им грустить в их райском, прекрасном саду? Да! Трудно, наверное, менять такие апартаменты на тюремные. Там совершенно другой дизайн.

– Весь ужас заключается в том, что теперь бизнес брошен. Будут огромные убытки. Когда выйдет Степан и выйдет ли вообще – это никому неизвестно. А бизнес ждать не может и не будет, всё развалится! Какой ужас!

Алёна рыдалась, она подставляла салфеточку к нижним векам по очереди и тщательно собирала слёзы, чтобы не дай Бог не повредить дорогой макияж.

– Да, такие рыдания не часто увидишь, – подумала Софья и тут же одёрнула себя, – как может – так и плачет. Как может – так и печалится. Это её дело. Как хочет – так и живёт, и это её право.

Алёна Николаевна наконец-то успокоилась и посмотрела вопросительно на гостью. Однако слёзы не слушались и требовали салфетку.

– Расскажите, пожалуйста, как всё было, как всё произошло. С самого начала, по порядку, – попросила Софья Борисовна.

– Подождите, я попрошу своего юриста изучить наш с Вами договор, – прервала адвоката Алёна Николаевна, прекратив на это время плакать, как это делают говорящие, заводные куклы, – внезапно и неожиданно.

Она нажала кнопку на столе, явился тут же привратник.

– Марка мне сюда, срочно, – распорядилась властно хозяйка, – пошевеливайся.

Через минуту явился юрист Марк.

– Вот договор, через полчаса жду тебя с ответом, – коротко и ясно скомандовала Алёна Николаевна.

Марк молча взял договор, слегка поклонился и удалился.

Софья Борисовна поняла, что в этом доме позволено было говорить, выражать свои эмоции только хозяйке.

Софья слушала Алёну Николаевну и мучилась мыслью о том, что она где-то видела юриста Марка. Только вот где – не могла вспомнить. Она откуда-то знала этот неприятный, как будто вороватый, бегающий взгляд, это неприметное лицо, которое Марк старался спрятать, постоянно отворачиваясь от Софьи Борисовны.

– Ну, ничего, – решила Софья, – всё равно когда-нибудь вспомню, где я видела этого человека, при каких обстоятельствах мы встречались.

Увлечённая своим рассказом, Алёна не обращала внимания ни на кого и ни на что вокруг себя, а Софья Борисовна заметила, что в чуть приоткрытую дверь из кухни виднеется женский силуэт.

– Ничего необычного, – подумала Софья, – прислуга интересуется делами хозяев. Либо просто интересно, либо сочувствует кому-то из фигурантов.

– Вы спрашиваете, что произошло? Наша дочь пригласила своих бывших одноклассников к нам в гости. Мы, конечно, с отцом не очень поощряем такие компании, разношёрстные и непонятные. Сами понимаете, зачем такое общество посвящать в подробности нашей жизни? Зачем приводить в дом кое-кого, всех подряд? – вопросительно раскинула руки рассказчица.

При этом хозяйка многозначительно повела вокруг себя рукой, и ещё, и ещё раз удовлетворённо оглядела окружающее великолепие.

– Вы понимаете, возникает неизбежно нездоровый интерес к нашему дому, или, в крайнем случае, – может возникнуть. Зачем провоцировать? Сейчас итак кругом воруют, грабят богатые дома!

– То есть, Вы против того, чтобы у дочери в вашем доме бывали друзья не вашего круга в целях предупреждения ограблений?

– Если хотите, – то да! И что в этом особенного?

Софья Борисовна кивнула в знак согласия головой, что могло обозначать:

– Вполне имеете такое право, право хозяев приглашать в свой дом только того, кого считают нужным.

– Однако, и дочь огорчать не хотелось. Мы её балуем, позволяем ей всё. Ну, не то, чтобы все, но балуем. Она у нас не очень здорова: есть слабые признаки детского ДЦП. Почти незаметные, но всё-таки видны, поэтому нам предпочтительнее, чтобы она общалась с ровесниками дома (устала – легла, отдохнула), поэтому молодёжь у нас бывает, то есть молодёжные вечеринки не так уж часты, но и не редкость. И эта вечеринка была такой же, как обычно, как всегда.

Алёна Николаевна что-то хотела ещё добавить, но мысленно остановила себя, помолчала немного, собираясь с мыслями, а потом продолжила:

– Вечеринка, как вечеринка. Вы знаете, как теперь гуляет современная молодёжь. Мы с отцом не вмешивались, даже и не заходили на половину дочери, чтобы никого не смущать,

чтобы никому не помешать, пока не раздались эти ужасные крики. Визжали так, что слышно, наверное, было и за километр. Обязательно надо было так орать, чтобы все соседи слышали? Да, уж, ладно! Теперь всё равно все всё знают. Эти крики до сих пор звучат у меня в ушах. Эти ужасающие картины не уходят и сопровождают меня всюду. Мне кажется, что это никогда не закончится, что это будет со мной вечно. Это же надо такому случиться, в нашем доме, – и вдруг такое! За что, за что мне всё это, за что? Что теперь о нас подумают порядочные люди? Как теперь людей нормальных в дом звать? Кто теперь сюда пойдёт, когда здесь травят? – Алёна Николаевна приняла трагическую позу и взяла глубокую паузу для убедительности. Она ненадолго отвернулась от гостыи, а потом всё же взглянула на Софью Борисовну:

– Я до сих пор в себя прийти не могу.

Тут Алёна Николаевна взяла веер и долго им обмахивалась, закатывая глаза. Софья опять терпеливо ждала.

– Мы с отцом забегаем в комнату, а все ребята окружили плотным кольцом девушку, сидящую в кресле. Выяснилось, что она мёртвая. Знаете, а сразу так и не скажешь: сидит себе, отдыхает, смотрит перед собой. Когда она умерла, никто не заметил, никто не знает. На столике рядом с ней коробка конфет, фужер с шампанским, в руке недоеденная ею конфета. Конечно, сразу же вызвали полицию. Полицейские ходили по дому, разговаривали с нами, с гостями. Наш участковый нашёл в комнате мужа, в кабинете подозритель-

ную ампулу в корзине для мусора. Степана арестовали сразу. Позже выяснилось, что девочка съела отравленные конфеты с ядом из этой ампулы. Дела Степана очень плохи. Что будет с бизнесом? На что мы будем жить? Всё рухнет! Всё ужасно!

Хозяйка взяла в руки салфетку.

– Сейчас начнёт опять плакать, – подумала Софья Борисовна, но Алёна Николаевна раздумала плакать и только горько вздохнула:

– Многие из гостей успели уехать до приезда полиции, так их вернули и привезли назад, опросили под протокол, как и всех.

Хозяйка дома замолчала, видимо, вспоминая и заново переживая неприятные, трагические моменты.

Она сокрушённо качала головой, приложив обе руки к груди.

– Как же это всё не вовремя!

– А почему не вовремя? Разве беда когда-нибудь вовремя бывает?

– Да, нет, ничего, это я так, про себя размышляю. Это я не Вам. Что ж, продолжим, – как будто опомнилась Алёна Николаевна.

В глазах хозяйки блеснул какой-то особый интерес, и Софья решила, что она сейчас вспомнит что-то очень важное. Алёна проговорила.

– Кстати, конфеты отравленные – очень и очень дорогие, мои любимые. Я их просто пачками ем! Нравятся они мне,

очень. Хотя, конечно, сладкого много вредно, но хочется, ничего не могу с собой поделаться! – Алёна Николаевна улыбнулась и развела руками.

Нахмутив брови хозяйка продолжила:

– Так вот, говорю же Вам, прислугу опросили прямо в гостевом домике: экономку, привратника, садовника. Они там все живут, в нашем гостевом домике.

– А водитель? – уточнила Софья Борисовна.

– Водитель в это время отсутствовал. Его не было, он ночует всегда дома, – ответила небрежно Алёна.

Хозяйка дома опять сокрушённо качала головой, перебирала руками салфетку, расправляя её и снова складывая.

– Полицейский сказал, уезжая, что ничего полезного пока выяснить для дела не удалось, что первый и главный подозреваемый – Степан. Спрашивал полицейский – в каких отношениях Стёпа с подругами дочери. Но это уж совсем! Это же дети! Какие тут могут быть отношения, тем более Степан, он от меня без ума, влюблён, как школьник. Какие тут могут быть другие увлечения? Какая неопишуемая глупость: я и какие-то там девочки – нескладухи! Это же смешно!

– Алёна Николаевна, можно посмотреть комнату Вашего мужа? – спросила Софья Борисовна.

– Конечно, идёмте, – с готовностью согласилась хозяйка.

Комната мужа оказалась деловым кабинетом с большим количеством книжных, заполненных до отказа шкафов, с огромным количеством деловых бумаг. Большой стол тёмно-

го дерева царствовал в этом солидном полумраке. Изумрудные шторы на высоких окнах смотрели важно и с достоинством. Не уступал всему этому великолепию разве что диван, обтянутый натуральной, тёмно-коричневый кожей. Он будто говорил:

– Попробуйте, сядьте, тогда узнаете, что такое блаженство и благополучие в жизни!

Всё было в идеальнейшем состоянии, в таком, как будто всем этим никто никогда не пользовался и не трогал пальцем.

Софья села за стол. На тумбе стола, справа, вдали от посторонних глаз стояли фотографии. На них были простые деревенские люди на фоне деревенских домов и строений. Софья Борисовна взяла рамочки в руки:

– Кто это? Кто эти люди? Как называется деревня на снимке?

– Я толком и не знаю. Это какие-то Стёпины родственники. Я как-то этим всем никогда не интересовалась. А вот наши с доченькой фотографии, – подала красивую рамочку хозяйка. – Правда, мы хорошо здесь получились?!

– Правда, – согласилась Софья Борисовна. – А что Вы бы хотели или могли бы мне рассказать о Степане? Какой он человек? Чем интересовался? Что любит?

Хозяйка удивлённо взглянула на гостью:

– Человек, как человек, как все люди, – ответила Алёна, не отвлекаясь от фотографии, – обычный человек.

Алёна Николаевна вдруг замолчала, видимо, считая, что она дала полный и исчерпывающий ответ на вопрос.

– Что ж, – подумала Софья, – можно жить десятилетиями рядом и не вместе. Сколько угодно. Иногда от того, что души спят, и им не нужно смотреть друг на друга, а иногда от того, что душ вовсе и нет, утрачены. Мало ли как бывает в жизни? Белый свет на волю дан. И это их право: как нравится, так и живут. Хотят – душа в душу, а хотят – совсем без души. Главное для некоторых – тела разукрасить, да так, чтобы и мама родная не узнала.

Хозяйка ещё несколько минут любовалась на своё изображение, отодвигая фотографию в рамке на длину вытянутой руки, возвращая её назад, иногда слегка прищуриваясь.

– Можно посмотреть комнату Вашей дочери? – спросила Софья Борисовна.

– Конечно, отчего же нет, – ответила, улыбаясь, хозяйка. Она сейчас в институте учится, всё учится и учится моя умница.

– В каком ВУЗе учится Ваша дочь? Какая будет у неё специальность?

– А я и не знаю что-то. Придёт – спрошу. Но очень дорого отец оплачивает, очень дорого, просто очень дорого.

Когда шли по дому, минуя множество комнат, коридоров, слышали, музыку. Кто-то играл на скрипке профессионально и с любовью.

– Какая прекрасная музыка! Живая музыка ни с чем

несравнима! Кто это у вас так прекрасно музицирует? Такая красота! – от души восхитилась Софья.

– А, это мои мама и папа у нас гостят! Папа у меня известный музыкант, всемирная известность. Мама – его директор. Они здесь по пути с гастролей, – похвалилась Алёна Николаевна.

– А Вы не занимаетесь музыкой? – поинтересовалась Софья Борисовна.

– Нет, у меня совсем нет слуха, а потом музыка – это такой огромный труд. Нет! Это явно не моё, не моё, – поморщилась хозяйка. – Я, честно говоря, пробовала. Ужас!

– А дочка не занимается музыкой?

– Я водила её в детстве в музыкальную школу, пытались научить её играть на скрипке, как дедушка. Но это оказалось так хлопотно! Со слухом у неё всё в порядке. Но эти постоянные занятия. Мы с ней, честно говоря, устали от всего этого: как-то постепенно всё угасло, и скрипачки из дочери не получилось. А, может, и к лучшему – мама и папа всю жизнь провели на гастролях. Я их видела только изредка. Меня воспитывала няня (Царствия ей небесного). Великолепная была старушка, говорят, из бывших. Всё время, бывало, говорила мне:

– Люби себя! Если себя не будешь любить, то никто стоящий тебя не полюбит. Живи по принципу: сначала я, потом все остальные. Представляете, такая оригиналка! А как всегда была одета! Подумайте только, она мне каждый день

рассказывала о своих романах. У неё столько было поклонников! Она мне всегда говорила, что девочке совершенно не обязательно много учиться, главное – хорошо выйти замуж.

Алёна Николаевна многозначительно посмотрела на Софью Борисовну, ожидая, что та по достоинству оценит мудрость ее наставницы. Софья Борисовна кивнула головой.

– Вы не посмотрели гардеробную моей звёздочки! – проговорила хозяйка тоном заговорщика. Она открыла двери огромного встроенного шкафа всю длинную стену, включила в нём свет.

– Вот, – проговорила Алёна с придыханием и победоносно посмотрела на гостью. Софья никак не реагировала, но, вовремя спохватившись, восхитилась:

– Прекрасно, замечательно!

– Ещё бы, красота такая, даже не спрашивайте – сколько это всё стоит, – хозяйка закрыла гардеробную небрежной рукой и закатила глаза.

– Только и осталось мне именно сейчас думать о таких глупостях, больше мне не о чем поразмышлять, – подумала Софья.

Комната дочери говорила о том, что её хозяйку интересовало многое в жизни, но всё, кроме науки, книг, знания, как такового. Не было видно ни одной книги, ни одной тетради, ни одной авторучки, даже карандаша и то не было.

– Вот так студентка! – подумала Софья, – наверное, та ещё ученица!

Софья Борисовна обратила внимание и на то, что в комнате дочери не было фотографий родителей, дедушек, бабушек. На столе стояла лишь фотография дочери в обнимку с ровесницей – красавицей.

– С кем это Ваша дочка? – спросила Софья Борисовна.

– Где? А, это. Это соседская девчонка, одноклассница дочкина. С детства за нашей Даниэллой хвостиком носилась, от нас не вылезала, – весело рассказывала Алёна Николаевна, – правда, именно её и нашли мёртвой в кресле на вечеринке. Жалко мне её, как родную. Хохотушка была, училась плоховато, но с малолетства занималась художественной гимнастикой. Сложена была, как Богиня, и на личико – ничего себе. Жаль, жаль! Как это всё получилось? Кто мог отравить, кому помешала? – хозяйка опять хотела расплакаться, но салфетки рядом не оказалось. А как же макияж?

– Кому-то, значит, помешала, – спокойно и вразумительно проговорила Софья Борисовна.

– Дочка моя – истинный ангел! Да, что там говорить! Она ещё невинный ребёнок, сама чистота!

– Чем интересуется Ваша дочь? Может быть, у неё есть какие-нибудь увлечения? Какой она человек?

Хозяйка на минуту задумалась, даже немного наморщила лоб.

– Какой человек? Я думаю, обычной она человек, как все люди. Какие увлечения? Да никаких нет у неё увлечений.

– Чем она любит заниматься?

– Заниматься? Да, вроде бы, – ничем.

– Понятно, – подумала про себя Софья, – и здесь рядом и не вместе.

Мебель в комнате дочери, в отличие от кабинета отца, была в стиле «Модерн», очень современная и, конечно, очень дорогая.

Вместо книг в комнате дочери было огромное количество альбомов с фотографиями. Большие альбомы стояли первыми, открывая парад лиц, жизней, праздников, огорчений.

Маленькие продолжали этот весёлый и невесёлый строй. Софья Борисовна наугад взяла один из первых больших альбомов. Это оказались школьные фотографии по годам обучения.

Вот первый класс, второй, третий. А вот праздник, выпускной бал в школе первой ступени. Даниэлла – ангел среди ангелов. Дальше шли фотографии, где Даниэлла уже подросток. А вот и выпускной бал из школы второй ступени – девятый класс. Здесь Даниэлла уже повзрослевшая, похорошевшая, правда, ростиком меньше всех своих одноклассников, да и какая-то незаметная что ли. Фотографии общеклассные за десятый и одиннадцатый класс неприятно удивили Софью Борисовну: на каждой из них у одной из учениц были выколоты иголкой глаза. Софья присмотрелась – глаза были выколоты у лучшей подружки Даниэллы, погибшей на днях, именно у Катерины.

– Кто это выколол глаза подружке Вашей дочери? Зачем,

как-то это некрасиво, не по-человечески, разве можно было так делать?

– Конечно, Даниэлла и выколола! А кто же ещё?

– Как так можно? Они же лучшие подруги!

– Да! Подруги, но Катенька, преподобная, (царствия ей, конечно, небесного, о мёртвых либо правду, либо ничего) всё время отбивала абсолютно всех поклонников у Даниэлочки, всех, никого не пропускала, всех до единого, сто процентов, негодница такая. Убила бы! Бывало, как только рядом с доченькой моей появится стоящий молодой человек, так она тут же, как тут явится и ну хвостом мести, попой своей вертеть, ноги свои безупречные показывать. Разве настоящие подруги так делают? Да прощения ей нет за это никакого, гадине!

– А вот это всё следователю говорить ни в коем случае не следует.

– Почему это вдруг, если это правда? Так оно и было, как я говорю, это правда.

– Это, может быть, и правда, однако, эти слова могут быть истолкованы следствием как мотив.

– Что Вы такое говорите? Какой ещё мотив? Если Катька была мерзавкой, кто ей, дура, тут виноват? Сама и виновата во всём, досукалась, видно.

Софья Борисовна поняла, что предупреждать этого человека бесполезно. Алёна Николаевна имела только одно мнение – своё, и оно же – правильное. Наверное, поэтому она

не слышала Софью Борисовну и не понимала свою пользу от слова «совсем».

– Бывало глаза закатит и строит из себя монашенку: я ни при чём, они сами, как мухи на мёд. Конечно, выставляет вечно свои красивые ноги! Кто же тут устоит? А моя-то – бедняжка, больная, скромница, безответная. Ей есть в кого быть скромной. Она берёт пример с меня. Кроме семьи для меня ничего на свете не существует. Я живу только для них, растворилась в дочери и муже. Нет в моей жизни более ничего, да и не надо. Для меня это дорого и важно, это самое дорогое и важное, – увлечённо говорила Алёна Николаевна.

Она говорила и говорила, да и, скорее всего, больше для самой себя. Она ни разу не взглянула на собеседницу. Кажется, что, если бы вдруг в этот момент Софья вышла из комнаты, то Алёна Николаевна, увлечённая собой, этого даже и не заметила бы.

Хозяйка вдруг приняла вид задумчивости, помолчала, выждала многозначительную паузу.

– А Вы где учились? – спросила Софья Борисовна.

– Я закончила частные кинематографические курсы. Я – артистка, но мне муж не позволил работать ни одного дня. Что тут поделаешь? Я спорить, конечно, не стала, – грустно ответила хозяйка, – свою карьеру я принесла в жертву семье.

В этот момент хозяйка дома победно посмотрела на гостью. Ей, видимо, хотелось увидеть: какое впечатление произвело сказанное.

– Понятно теперь многое из того, что продемонстрировано: избирается и проигрывается роль. Надо поехать за ней, посмотреть истинную, – решила для себя Софья Борисовна.

– Вы меня извините, что я Вам так откровенно всё рассказываю. Я полагаю, что адвокат должна знать о своих подопечных всё, в крайнем случае, очень много, как можно больше, – приняла облик самой скромности Алёна Николаевна.

– Да, да, – кивала согласно головой Софья Борисовна, – конечно.

А, между тем, дом жил своей налаженной жизнью. Горничная Майя (она же повар и экономка) ходила с пылесосом по пятам за собеседницами. Пылесос протирал полы, а Майя разноцветным пушком собирала пыль. Однако, Софье показалось, что горничная не столько собирала пыль, сколько разговоры, скромно стараясь остаться незамеченной.

– Или за хозяина переживает, или простое женское любопытство, – подумала Софья Борисовна. – А женщина красивая и при фигуре, и при лице. Вот такая могла бы быть Кармен: темноволосая, смуглая, кудрявая и карие, прекрасные глаза на всё лицо. Ей бы кастаньеты и пёструю клешоную юбку! Вылитая Кармен была бы: страстная, характерная, бессердечная, эгоистичная и самолюбивая, однако, ради справедливости, надо сказать ещё: и манкая, притягательная, неотразимая.

Поющая душевно, щемяще и надрывно скрипка неожиданно затихла. Послышались звуки фортепиано, глубокие,

нежные и задумчивые.

– Это играет мама, – с гордостью прокомментировала хозяйка, – хотите послушать живую музыку? Идёмте!

Алёна Николаевна взяла Софью за руку и увлекла её в половину родителей. Это были два зрелых человека в пижамах.

– Алёнушка! Как можно, мы не в форме! – хором удивились визиту родители.

– Не надо никакой формы! Это свой человек, адвокат Степана, Софья Борисовна.

Софья Борисовна уважительно поклонилась:

– Преклоняюсь перед Вашим талантом, огромным трудом, – обратилась она к скрипачу. – Я Ваша большая поклонница, можно сказать, – фанатка.

– Тогда позвольте представиться по всей форме: Николай Гроздецкий, скрипач, заслуженный артист России. Это моя супруга и мой директор, аккомпаниатор Агния Вышинская.

Артист поцеловал растерянной Софье ручку и, как бы невзначай, развернул на полстола, прямо перед Софией Борисовной и дочерью, свою афишу, яркую, броскую, запоминающуюся, с его портретом.

– Что вы можете сказать о вчерашнем инциденте в доме? – спросила обоих супругов сразу Софья.

– Ровным счётом – ничего! Мы не общались с молодёжью, никого не видели – ни живых, ни мёртвых. У нас гастроли, концерты. Мы задерживаться здесь не можем. Наша жизнь – это сцены и чемоданы, чемоданы и сцены, не в обиду будь

сказано никому, но нам ни до кого. Это, впрочем, и не предосудительно, потому что это и есть истинная судьба каждого артиста. Кстати, мы уезжаем сегодня вечером, слава Богу. Нас ждут наши зрители и поклонники.

Артисты были оба хорошо сложены, ухожены, моложавы. Было видно, что всё время, отпущенное судьбой, они посвящают себе любимым, своему творчеству и ни к кому не привязаны ни душой, ни сердцем. Всё для себя любимых и ни для кого более.

– И здесь ни с кем ни рядом, ни вместе, – подумала Софья. – Каждый за себя и для себя.

– Что можете сказать о вашем зяте Степане, муже Алёны Николаевны? Что он за человек, как думаете? – спросила музыкантов Софья Борисовна.

– Ничего мы не думаем. Мы уезжаем, потому что здесь проездом, – ответили родители, безмятежно улыбаясь и даже позируя.

– Привычка быть на сцене, на людях – отсюда и позёрство, – подумала Софья, – позируют даже тогда, когда никто их не снимает. Действительно, привычка, ставшая чертой личности.

– И вам полиция позволила отъезд? – удивилась Софья, – у вас не взяли подписку о невыезде?

– А мы ей и не показались, полиции-то, – засмеялся скрипач, – полиция нас не видела.

– Понятен уровень расследования, – подумала Софья. –

Как можно было не осмотреть весь дом?

– Это я, наверное, виновата. Когда меня полицейские спросили – есть ли кто-то в доме ещё, я от волнения и ужаса совсем забыла о родителях и сказала, что никого больше в доме нет, – призналась хозяйка. Для убедительности она широко раскинула руки.

– А мы в этот момент отдыхали, спокойно спали, счастливые и довольные, радостные и невозмутимые, – пошутил, – папа скрипач.

– Здесь, похоже, все спокойные и невозмутимые, потому что не до кого никому никакого дела абсолютно нет, и это, похоже, – традиция семьи, которая успешно передаётся из поколения в поколение. Какие мы люди разные! – подумала Софья. – Хотя, – имеют право: хотят быть такими – и будут, никто никогда не запретит! Вольному – воля!

Дочка Алёны Николаевны всё не приезжала, с родителями хозяев и хозяйкой говорить было больше не о чем. Стали прощаться.

Договор подписан. Софья Борисовна теперь на законных основаниях представляет интересы Степана Алексеевича в качестве адвоката.

– Будем работать, – пообещала Софья Борисовна на прощание хозяйке, – будем работать.

Прощаясь, Алёна Николаевна заторопилась – ей сообщили, что приехала специалист по маникюру. Привратник учтиво и молча проводил Софью. Из-за угла стены, ведущей

в кухню, за ними наблюдала, стараясь быть не замеченной, женщина в фартуке.

– Это, наверное опять, экономка, – подумала Софья, – надо будет специально приехать и поговорить с прислугой без хозяйки.

В этот момент Софья Борисовна наконец-то вспомнила, где она видела юриста Марка: это бывший следователь Следственного комитета, которого уже года два тому назад попросили из Следственного комитета за какие-то нарушения. Помнится, Света возмущалась его бессовестностью потому, что он пытался свалить на неё свою вину.

– Вот где всплыл непотопляемый Марк, – подумала Софья. Она заметила, что юрист Марк постоянно находился рядом с кухней.

– Губа не дура, любит поесть, с кухней дружит, – подумала Софья, – а, может быть, и не только гастрономические проблемы объединяют его с кухней, надо будет над этим подумать, поискать.

– У подзащитного дома побывала, но ничего для выстраивания линии защиты не получила. Одна пустота, приблизительно такая же, как во всём этом богатом доме, напичканном дорогостоящими безделушками и небезделушками, тоже дорогостоящими.

Однако, Софью не отпускало ощущение, что всё это не стоит и ломаного гроша: и всё богатство этого дома, и вся информация, которую она получила здесь.

– Что-то я разгорячилась! Как мои любимые бабушки – казачки! Что это я, – изумилась сама себе Софья, – шашкой налево и направо. Известно же мне, что нет бесполезной информации, – думала Софья Борисовна, садясь в машину.

В сознании чередовались сцены в доме. Софья мысленно всегда в свободное время перебирала и находила интересные и важные нестыковки, несоответствия, совпадения и несовпадения, помогающие или сразу, или чуть позже, сделать правильные выводы.

– Интересно, – подумала Софья, – о подзащитном услышала от жены только две характеристики: «обычный и как все», а также упоминание о том, что бизнесу повредило его закрытие под стражу. Если допустить, что в этом доме каждый живёт своей обособленной жизнью, что вполне возможно, тогда надо понять, какой именно. Если есть приоритеты и привязанности помимо семьи, то какие? Кто и что входит в круг интересов и общения каждого обитателя дома? Это всё предстоит уточнить, даже если они не имеют отношения к преступлению, к подзащитному. Формального отношения, видимого, могут и не иметь, но общую картину нарисуют, помогут понять главное.

Отчего же такое равнодушие? Какие могут быть варианты? Первый: подзащитный так же относится к близким (никого не любит), поэтому не любят и его. Возможен второй вариант: его окружающие не способны любить. Жена, к примеру, занята только собой. У дочери на столе нет фотогра-

фии отца. Тесть даже не вспомнил о зяте, который попал в тяжёлую ситуацию. Тут Софья вспомнила сельские фотографии Степана на тумбе, рядом со столом, в кабинете.

Мысли текли, казалось, сами по себе. Но это была профессиональная привычка: пока дело не раскрыто, ни о чём другом думать не получится.

– Надо съездить в эту деревню, – почему-то подумала Софья, – хорошо сказать – съездить! А если она далеко? А, может быть, – близко. Надо будет всё уточнить.

Сбор аналитического материала, его систематизация, выводы. И так – постоянно.

– Первый день прошёл. Что в сухом остатке? А в сухом остатке имеем одно: её подзащитный, Степан, не нужен никому в его доме и в его семье, кроме неё, адвоката, по сути, постороннего человека.

Софья вздохнула. Рабочий день закончился, стемнело, надо припарковаться в темноте без проблем:

– Как осенью рано темнеет! Какой тёмный сегодня вечер, ничего не видно!

Софья без особого интереса, скорее по привычке, посмотрела вокруг. А вокруг была осень. Она красовалась даже здесь, в промышленном, большом городе, в этом огромном её дворе её огромного дома. Все цветы, которые Софья привезла из своего сада и посадила у подъезда, уже отцвели и собрались спать в зиму.

– Ну и правильно, – рассматривая свой любимый увяда-

ющий газон, подумала Софья, – будем ждать весну. Придёт, придёт, никуда она не денется. Вот тогда мы опять всем тут покажем высший пилотаж: так разольётся опять разными красками мой газон, что все опять удивятся. Огромная берёза у подъезда засыпала Софьин любимый газон своими изысканными, резными, аккуратными, мелкими листочками.

– И ты у меня молодец, молодец! – обратилась она мысленно к берёзе, – укрывай, укрывай мои цветочки! Так им лучше будет спать зимой! Ты же дружишь с моими цветами? Молодец, дружи, дружи.

– Воздухом дышите? – спросила пробежавшая мимо соседка снизу.

– Да, дышу, – согласилась Софья.

– Конечно, что же Вам, не дышать? Не забот, не хлопот! Везёт! А тут, как заведённая, как белка в колесе – вздохнуть некогда!

– Не забот, не хлопот, – повторила про себя Софья, – а что же мне делать со Степаном Горобцом? Сидит он у меня в голове и не вылезает оттуда.

Софья ещё раз оглядела всё вокруг.

– Темно всё-таки. Осень как будто не хочет, чтобы на неё долго смотрели, поэтому рано укладывает солнце спать. Ну и зря, – подумала Софья, – мне, например, нравится осень. Вот недавно гуляла в парке: золотой лист ковром покрыл все газоны, тёмного вишнёвые кусты не отдают свои мелкие, резные листья и стоят, как оловянные, стойкие солдатики; ребя-

тишки запускали разноцветных воздушных змей. Тепло было, тихо, ветер не шелохнул. Облака отражались в воде пруда рядом с водными портретами наклонённых над водой, пожелтевших ив. Тепло, тихо, ни ветерка. Ну и что, что осень? Хорошо же! – думала Софья, – а утки, утки? Они спокойно и медленно проплывали по тихой водной глади, оставляя за собой странные дорожки с фантастической рябью, которая общий рисунок озера превращала из просто осеннего в сказочно-осенний. Надо будет ещё съездить, – решила для себя Софья, – надо съездить, успеть, пока погода стоит хорошая.

А осень и, правда, была хороша. Какая-то терпеливая, тёплая, тихая, солнечная, желтолиственная.

– А дома всё-таки хорошо, даже, если совсем одна. Ну, почему же одна? Сын с внучкой забегают один раз в месяц! Это уже не одна, – думала Софья, разогревая суп, наливая чай. – Что бы такое вкусненькое ещё поесть? Конечно, мороженое с мороженой клубникой из моего сада. Вот это люблю. Можно есть что-нибудь вкусное, и ни о чём, ни о чём в этот момент не думать. Проверено, хорошо.

– Дом есть дом. Дома всем хорошо. Поистине, счастлив тот, кто счастлив дома. Надо объехать и обойти всё вокруг, чтобы вернуться домой и почувствовать, как хорошо дома. Ну и что, что одна! В нашем роду все женщины одни, без мужей, и никто не пропал, – когда вернулись мысли, подумала Софья Борисовна, то ли уговаривая себя, то ли просто размышляя о жизни.

Софья вспомнила, как она однажды спросила у бабули: «Почему ты выгнала дедушку, такого красавца и умницу?» (Софья видела его только на фотографии). Все завидовали бабуле. Ещё бы: из Москвы, с высшим образованием, специалист, управляющий районной сельхозтехникой, высокий, красивый. А бабуля тогда ей, ребёнку, сказала: «Есть волки, а есть шавки. Шавки безразборные, им всё равно кто, где и с кем. Волк никогда пару свою не теряет и не меняет. Я была всегда волчицей, а дедушка твой не был волком. Волчица и шавка не могут быть вместе».

– Это тогда я своим детским умом не понимала глубоко, что всё это значит. А теперь-то понимаю, что гордой казачкой была моя бабка, – думала Софья, разложив рабочие, деловые бумаги на столе отдельными стопками по каждому делу отдельно. Она любила вечером пересмотреть рабочие материалы, не спеша, не торопясь. Кстати, все дельные мысли приходили именно в это время. Но сегодня другие мысли одолевали Софью.

– Выгнать самого завидного мужика в районе из одного случая измены! Навсегда отрубить одним махом! А я терпела двадцать пять лет ради сына, а потом тоже, как саблей рубанула, думаю, что тоже – навсегда.

Софья помнила, как сын сразу заболел, если надолго отлучался его отец, как он кричал ему, уходящему, вслед, в форточку: «Папочка, мой папочка, мой родной папочка! Я здесь! Я здесь! Твой сынок здесь!». Как маленькими ладо-

шками он стучал по стеклу.

– Когда так кричит твой ребёнок, – будешь терпеть всё и всех, иначе сердце разорвётся в клочья. Осуждаю других, а сама ради сына тоже жила рядом, но не вместе. Трагедия в том, что лично убедилась: права была моя бабушка! Шавки и волки не могут быть вместе! Это с одной стороны, а с другой – своё потомство волчица защищает до последнего вздоха, – думала Софья, – и заботится о нём, забывая о себе.

Она сама не знала, чего это вдруг нахлынули такие болезненные воспоминания? Ну и ладно, нахлынули, – значит, нахлынули. Значит, так нужно было, время для этого пришло.

Софья достала фотографии мамы, папы, бабушки, прабабушки. Погладила рукой жёлтые снимки: «Смотрят на меня, улыбаются». Ей вспомнилось, как бабушка однажды сказала Софье:

– Ты тоже волчица. Если тебе попадётся в жизни шавка, – гони, не задумываясь, никто не пропал – и ты не пропадёшь!

Софья погладила жёлтую фотографию рукой и доложила: – Бабушка! Я не пропала!

Довольная непонятно чем, Софья уснула быстро. Во сне она купалась, плавала в чистой, прозрачной, прохладной воде и не одна. Её напарник по сну всё пытался шутя поймать её в воде, но она, как дельфин, всё время уворачивалась. Так и не поймал её никто в воде.

Утром Софья, вспоминая сон, подумала:

– Ну и хорошо, что не поймал. Значит, ещё не время. Сво-

бода – тоже неплохо. Свобода, по сути дела, дороже всего. Пусть одна, зато не рядом с чужими, кому до тебя никакого дела нет, и у тебя от него с души воротит.

Без информации ничего сделать нельзя. Если её не дают добровольно, значит её надо добыть. Этим Софья и решила заняться сегодня основательно.

На другой, старенькой, отцовской машине Софья Борисовна подъехала к дому подзащитного. Парик, очки – и Софья неузнаваема, полнейшая конспирация.

Хозяйка выпорхнула птичкой из своей роскошной клетки, сама села за руль.

– Интересно, куда это она направилась? – подумала Софья, – может быть, к мужу на свидание? А, может, в Следственный комитет? Скорее всего, волнуется о муже и, может быть, наготовила и повезла всякие домашние вкусняшки ему в неволю.

Теряться в догадках Софье Борисовне пришлось недолго. Алёна Николаевна подкатила к дорогому ресторану. Её встретил молодой человек атлетического телосложения, смазливый и загорелый, очень много моложе её. Объятия и поцелуи объяснили суть отношений в этой паре. Сомнений не было – это любовники. Из машины Софья наблюдала, как влюблённые щебетали за обедом, усевшись рядом с окном, как будто демонстрировали свои отношения. А, может быть, решили, что бояться нечего, поскольку, из тюрьмы Степану их не видно. Перекусив в дорогом месте, парочка отправи-

лась на роскошном автомобиле Алёны в спальный район города. Вместе, не остерегаясь, вошли в подъезд.

Софья вернулась к дому подзащитного. К полудню водитель уже ждал хозяев в полной боевой готовности. Вышла хозяйская дочь и села в машину.

– На учёбу к обеду? – удивилась Софья Борисовна, – посмотрим, что это за учёба такая.

Оказалось, что все мамины подвиги повторились дочкой полностью, как под копирку. Разными были только название ресторана и адрес подъезда дома, куда приехали для продолжения встречи любовники. кавалер был один в один, почти такой же, на одно лицо, пустозвон и любитель развлечений за чужой счёт.

– Пока хозяйки заняты своими делами, поеду говорить с прислугой в дом подзащитного, – решила Софья Борисовна.

Софья быстро подъехала к гостевому домику Горобцов. Выезд и вход в него были отдельными и более скромными. Дверь открыл садовник:

– Что Вы хотели? – холодно спросил он.

Софья Борисовна объяснила, что она адвокат хозяина, Степана Алексеевича, что хозяину надо помочь, для этого необходимо ответить на её вопросы.

– Конечно! Конечно, я готов, – переменялся молодой человек, – я готов, спрашивайте!

Он завёл Софью в гостевой домик:

– Вот здесь мы живём. У каждого своя комната, кухня,

ванная, туалет – общие. Ничего, терпимо, жить можно, – рассказал садовник.

Софья вошла в первую попавшуюся комнату и, к своему удивлению, увидела на стене такую же фотографию сельчан, как и в кабинете Степана Горобца, только увеличенную в несколько раз.

– А я видела уже эту фотографию в кабинете Степана Алексеевича, – сказала Софья Борисовна. Молодой человек заметно смутился и переминался с ноги на ногу.

– А почему комнаты нараспашку, не закрываются? – спросила Софья.

– А что нам скрывать? Мы здесь все свои. Привратник – мой отец, экономка – мать. Мой отец – двоюродный брат хозяина, дяди Степана, – объяснил молодой человек, понимая, что скрывать эту информацию бесполезно.

– А почему у вас у всех разные фамилии? – спросила Софья Борисовна.

– Так жизнь распорядилась и не просто сложилось. Так уж получилось в жизни, – признался нехотя рассказчик. – Мы родственники с хозяином.

– Странно, что мне об этом хозяйка не говорила, удивительно, – рассуждала, как будто бы сама с собой, Софья.

– Как раз ничего в этом странного нет? За десятки лет она могла и не поинтересоваться всем этим. Она живёт в своём мире, где существует только она. Ей никто и ничто неинтересны и не важны вовсе, кроме неё самой.

– Расскажите мне, пожалуйста, кто это на фотографии? – попросила Софья.

– Это дядя Степан! А это мой отец, Николай. Это мой прадедушка, Антон. А это мой дед, отец дяди Степана – Алексей. Все они жили в одном большом, деревенском доме, разделённом на две половины. Вы, как раз, видите его за спинами моих самых близких людей в мире. Вот этот дом на фотографии, – рассказал молодой человек.

– А кто сейчас живёт в этом деревенском доме? – поинтересовалась Софья Борисовна.

– Какие-то чужие люди. Пока мама и папа сидели в тюрьме, а я был в детском доме, дядя Степан продал деревенский наш общий дом. Дедушки и бабушки давно к тому времени поумирали. Когда отец вышел из тюрьмы и взял меня из детского дома, то, помню, всё говорил: «Мы с тобой, Родька, – бездомные». Дядя Степан нас приютил. Вот так и живём здесь приживалами.

Юный садовник задумался на минуту и продолжил:

– Ради справедливости, надо сказать, что Степан Алексеевич нас никогда не обижал ни в чём и относился, как с равным. А Алёна? Ну, что такое Алёна? Кто на неё обращает внимание? Даниэлла тоже никакого веса не имеет. Всё в доме решает Степан.

– Как думаешь, Степан Алексеевич мог убить Екатерину? Говори откровенно, без протокола, строго между нами, – почти шёпотом спросила гостья.

– Нет, что Вы! Никогда! Он хороший человек!

– А кто-то другой из обитателей вашего дома мог это сделать?

– Думаю, что нет. Да и зачем им это?

– Кто знал, что ты влюблён в Екатерину?

– Думаю, что никто. Зачем бы я стал людей смешить? Я просто любил для себя, любовался ею, восхищался ею.

– А сама Катерина догадывалась о твоих чувствах?

– Конечно, нет! Я боялся, что она поднимет меня насмех.

– А Степан, ты говоришь, хороший человек?

– Да, хороший, и это абсолютно точно, любого спросите!

– Действительно, дядя Степан не бросил вас, всё-таки – родная кровь, – проговорила Ольга Борисовна, – жизнь-то она – штука сложная! Ох, какая непростая! Правильно люди говорят: жизнь прожить – не поле перейти.

– А Вы найдёте убийцу? – неожиданно вдруг спросил Родион и, не дожидаясь ответа, горячо попросил. – А Вы непременно найдите, непременно найдите того, кто убил мою Катю. Мне это надо знать, обязательно знать. Я убью убийцу Кати. Обязательно убью.

– Я адвокат, я защищаю Степана Алексеевича, убийцу ищет следователь, – удивлённо пояснила Софья

– А ты хорошо знал Екатерину? – глядя в глаза прямо спросила Софья.

– Да, я любил её больше жизни. Она была самая лучшая во всём мире! А теперь её нет на свете, – в полном отчаянии

проговорил молодой человек.

– А у тебя были какие-то перспективы? Её родители дали бы согласие на ваш брак? – как бы между прочим поинтересовалась Софья.

– Да, нет, конечно. Что вы! Она из богатой, известной семьи! А я кто – никто, рядовая прислуга. Да и отец с матерью твердят одно и то же, что я должен жениться на Даниэлле. А я не люблю её и не стану на ней жениться, – горячился Родион.

– Так вы же родственники! Как вы можете жениться? – удивилась Софья.

– Да нет, конечно, это Вам кажется всё странным. Но мы не родственники с Даниэлкой. Я у родителей – приёмной сын, – пояснил садовник, – не было у них своих деток.

– Так ты два раза в детдом угодил!

– Да, так уж получилось. Ну, да ладно. Это всё в прошлом. А вот убийцу Екатерины надо бы найти, обязательно надо. Понимаете, я жить не смогу, если не отомщу за Катю. Убийца ходит себе спокойно по земле, а Катя мёртвая и уже никогда никуда не пойдёт. А я, может быть, когда-нибудь, когда многого бы добился в жизни, на ней женился бы. Может быть, она и полюбила бы меня, кто знает, и дети у нас были бы красивые, на неё похожие. А теперь нет ничего. Убийца не только Катю убил, но и любовь мою забрал навсегда. Как можно такое простить? Я куда ни гляну – везде её вижу: стоит спокойная и красивая, улыбается. Такая красивая, самая

красивая во всём мире, такой больше нет на всей планете!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.